

УДК 1(091): 930.1

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.3.176

ТРОПОЛОГИЯ ХЕЙДЕНА УАЙТА КАК ПОДХОД К АНАЛИЗУ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА И СПОСОБОВ ПОСТИЖЕНИЯ ПРОШЛОГО¹

А.А. Аванесян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Исследуется аналитическая теория исторического познания Х. Уайта. Выявляются ключевые особенности тропологии как методики анализа исторического нарратива, позволяющие охарактеризовать влияние стилистической структуры повествования на формирование правдоподобного и убедительного описания прошлого. Подчеркивается особое значение, уделяемое в контексте исследований американского философа проблеме взаимоотношений между автором исторического исследования и его публикой. Отдельное внимание сосредотачивается на восприятии Х. Уайтом практической стороны исторического познания, в соответствии с которым раскрывается специфика исторического опыта.

Ключевые слова: философия истории, аналитическая философия, тропология, исторический опыт, нарратив, практическое прошлое.

Развиваемый в рамках аналитической философии подход к рассмотрению специфики исторического познания концентрирует внимание на повествовательной форме организации знания о прошлом. Анализу подвергаются языковые средства и способы построения текста, при помощи которых события прошлого репрезентируются в историческом сочинении, посредством чего открывается доступ для их восприятия в современности. Ознаменованный такого рода сдвигами лингвистический поворот в философии истории сформировал определенное поле исследовательского интереса, задав направление дискуссий о нарративе как форме представления и одновременно эпистемологической основе исследования прошлого. Особое место в этом движении занимают философские работы Хейдена Уайта, в которых предпринимается попытка выявления и анализа риторических структур, формирующих язык сочинений по истории и придающих им убедительность, благодаря чему становится возможным объяснить и понять прошлое. Продолжая аналитическую доктрину исследования нарративного характера исторического познания, Х. Уайт сдвигает ракурс рассмотрения на художественные приемы, поэтические тропы, определяющие стиль повествования, в рамках которого реализуется та или иная стратегия оперирования с историческими фактами и обоснования достоверности высказываемых

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого» № 20-011-00406.

суждений. В некотором смысле это направление оказывается развитием более характерного для аналитической традиции анализа структурных элементов нарратива. Так, в частности, осуществленное другим крупным представителем англо-американской философии, А. Данто, исследование нарративных предложений как высказываний, которые одновременно описывают и объясняют явления прошлого, выстраивая события во временные ряды, приводит к выводу о неискоренимой индивидуальности каждого повествования о прошлом, поскольку связь событий во временном ряду конституируется литературными средствами. Х. Уайт углубляет анализ средств выражения исторического знания более детальным и систематическим исследованием поэтических тропов используемого историками языка.

Обобщая основные подходы к осмыслению нарративной теории исторического познания Х. Уайт выделяет четыре направления: англо-американскую аналитическую традицию, в рамках которой признается эпистемологический статус нарратива как особой формы объяснения, в наибольшей степени соответствующей задачам исторической дисциплины; семиологически ориентированное течение литературной критики, рассматривающее нарратив как один из возможных дискурсивных «кодов», который может либо подходить, либо не подходить для репрезентации «реальности» в зависимости от прагматических целей субъекта; герменевтическое направление, воспринимающее нарратив в качестве манифестации в дискурсе сознания времени или структуры времени; резко негативное отношение к нарративным доктринам представителей социальной истории (школы «Анналов»), оценивающих нарративистскую историографию как ненаучную, идеологически мотивированную и призывающих к отказу от ее методов на пути к построению действительно научного исторического познания [12, р. 7–8]. Оппонируя последней точке зрения, американский теоретик характеризует нарратив в качестве инструмента трансформации некой совокупности исторических событий (хроники) в связное историческое повествование. Нарративные средства позволяют перекодировать отраженные в хрониках события, явления, деятелей в элементы единой истории [12, р. 20], т. е. установить между ними связи и представить их составляющими некоего отрезка прошлого, взаимодействие между которыми позволяет объяснить произошедшее. При этом подчеркивается тот факт, что устанавливаемые связи оказываются скорее воображаемыми, они не восстанавливают в точности порядок взаимосвязи явлений реального прошлого. Опора на воображение в данном случае неизбежна, поскольку в сохранившихся свидетельствах сведения зачастую обрывочны или противоречивы. По мнению исследователя, историк может выстроить воображаемый дискурс о реальных событиях, который не становится менее «истинным» только от того, что он «воображаемый» [12, р. 33]. В этом отношении, построение связного рассказа о прошлом оказывается продуктом деятельности исторического воображения, к исследованию которого в дальнейшем обращается Х. Уайт. Такой ракурс рассмотрения исторического познания актуализирует вопрос

о значении художественного творчества как одной из составляющих работы историка.

Проблема соотношения научности и художественности в историческом познании принципиально важна для Х. Уайта. Именно ее решению посвящена его первая крупная работа в области философии истории – статья «Бремя истории». Отталкиваясь в исследовании от тезиса, согласно которому историк в своей работе не только связывает прошлое с настоящим, но и объединяет два радикально различных модуса постижения мира: науку и художественное творчество [9, р. 111], теоретик приходит к выводу о том, что история как форма познания проявляет себя одновременно и в теоретическом, и в практическом аспекте, позволяя тем самым гуманизировать опыт [9, р. 134]. История не может быть ни чистой наукой (знанием ради знания), ни чистым искусством, оставаясь ограниченной рамками тех сведений, которые представляют исторические источники [2, с. 12]. Следует отметить при этом, что история, ориентируется, как правило, на современные ей модели научного знания и художественного творчества. Так, историками XIX в. наука воспринималась в ее позитивистском проявлении, а искусство – в каноне романтизма [2, с. 13]. Сочетание элементов научного и художественного подходов позволяют истории, с одной стороны, отказаться от поисков единственно верного способа осмысления событий прошлого, допуская множественность взглядов, каждый из которых требует особого стиля репрезентации, а с другой стороны, не прийти к радикальному релятивизму, сводящему историю к пропаганде [9, р. 130–131]. История как познавательная дисциплина, развиваясь в диапазоне между наукой и искусством, сохраняет в себе потенциал методологически ответственного исследования, претендующего на получение достоверных знаний, и в то же время обладает прикладным значением, оказывая влияние на формирование мировоззренческих ориентиров людей, нередко даже определяя непосредственно принимаемые решения. Оформившийся в рамках этих рассуждений в самом начале философского пути Х. Уайта интерес к практическому выражению знаний о прошлом более ярко проявится в поздний период его творчества. В 1970–80-е гг. философ сосредотачивается на разработке методологической доктрины, призванной выявить и проанализировать глубинные структуры исторического мышления, определяющие способы построения повествований о прошлом и возможности понимания и объяснения случившегося.

Подход Х. Уайта предполагает выявление скрытых механизмов функционирования исторического нарратива, определяющих его характер. Такого рода механизмы полагаются не просто составными элементами нарратива, но фигурами речи, тропами, языковыми средствами, функционирующими на уровне мышления. Исследуя сочинения по истории (труды профессиональных историков и философов истории), представитель аналитической философии пытается раскрыть глубинные структуры исторического

воображения, совместная работа которых приводит к построению разнонаправленных, но в равной мере убедительных повествований о прошлом. В этом аспекте, доктрина Х. Уайта опирается на трансцендентальную философию И. Канта, относя предпочитаемый конкретным автором набор фигуративных средств выражения, из которых формируется стиль его нарратива, к априорному уровню работы мышления. Доопытный характер рассматриваемых структур выражения предполагает их независимость от исследуемого в сочинении фактического материала. Стиль изложения определяется научными, идеологическими, эстетическими предпочтениями исследователя и, в свою очередь, именно этот стиль задает точку зрения, стратегию аргументации и оценочную направленность выражаемого в повествовании взгляда на события прошлого. И хотя формируемый в итоге индивидуальный авторский текст оказывается продуктом свободного творчества, работу языковых структур американский исследователь рассматривает в структуралистском духе как детерминирующую строгие сочетания выразительных средств конкретного исторического дискурса [2, с. 16]. Ограниченное число возможных сочетаний глубинных структур исторического воображения задают жесткий каркас стилистики повествования, в виду чего оказывается возможным сформировать систематизированную классификационную модель возможных вариантов реализации исторического нарратива. Поскольку в основе развиваемого подхода лежит анализ художественных средств выражения, определяющих стилистический строй повествования, Х. Уайт обозначает этот подход поэтикой истории, или тропологией.

Поэтика истории

Теоретическую модель классификации сочинений ведущих европейских историков и философов истории XIX в. Х. Уайт разрабатывает в своей основополагающей и самой известной работе монографии «Метаистория». К анализу исторического сочинения американский теоретик подходит, определяя его как вербальную структуру в форме повествовательного прозаического дискурса, призванную представлять структуры и процессы прошлого в целях объяснения, чем они были, через их репрезентацию [11, р. 2]. Эпистемологический потенциал исторического исследования в соответствии с нарративистскими концепциями аналитической традиции усматривается в возможности посредством него репрезентировать прошлое. Повествование должно представить события прошлого в форме, позволяющей их понять. Х. Уайт подчеркивает различие между событиями, которые происходят в действительности и могут быть более или менее адекватно описаны в исторических источниках, и фактами, под которыми понимаются утверждения о произошедших событиях, существующие только в мысли, языке или дискурсе [3, с. 11]. Недостаточно простого описания события, каким бы точным оно не казалось. Чтобы дать событию объяснение, необходимо, с одной стороны, проверить имеющееся описание, сопоставив его с

другими, если есть такая возможность, и проведя анализ доступными методами изучения, а с другой стороны, связать описываемое событие с другими в единый временной ряд. Именно такие задачи решает историческое повествование, для построения которого исследователь обладает некоторым набором эвристических и фигуральных средств. Историк не может извлечь всю необходимую для своего исследования информацию из сохранившихся свидетельств, строгого анализа эмпирически доступного материала недостаточно для формирования последовательного и убедительного рассказа о прошлом, фактом чего определяется неустранимость спекулятивно-умозрительного компонента исторической наррации [1, с. 205]. Истории складываются из «данных», теоретических концепций, используемых для их «объяснения», и нарративных структур, посредством которых эти данные репрезентируются в качестве последовательности событий, предположительно случившихся в прошлом [11, р. ix]. Целостность исторического повествования, его направленность, интерпретации и оценки событий, с этой точки зрения, зависят от теоретических построений историка, его восприятия и общего понимания прошлого. Такие комплексы представлений должны опираться на некое основание, априорные предпосылки, под влиянием которых формируется представление о прошлом и истории.

Согласно развиваемой Х. Уайтом теории базисом построений историков и философов истории оказывается процедура префигурации – осуществляемый на глубинном уровне сознания выбор концептуальной стратегии восприятия и объяснения прошлого [11, р. x]. В этом пункте подход американского философа сближается с коллингвудианской доктриной исторического познания, в соответствии с которой исследование событий прошлого опирается на априорную идею истории, формируемое на глубинном уровне представление историка о том, какой должна быть история. Исследованию конкретных проблем в этом отношении логически предшествует дорефлексивное целостное понимание истории, которое складывается под влиянием множества факторов и определяет восприятие произошедших событий, взгляд на них, аксиологические ориентиры, в соответствии с которыми они рассматриваются, подходы к выбору методики исследования.

Принципиально важно, что префигурация осуществляется на докритическом, априорном уровне, что позволяет американскому философу определить этот аспект исторического воображения как поэтический акт и на основе такого видения предложить тропологическую интерпретацию его функционирования. Выделяя три измерения (эпистемологическое, эстетическое и моральное), комбинации возможных проявлений которых формируют стиль исторического нарратива, Х. Уайт с целью упорядочения и классификации этих стилей утверждает четыре типа префигурации, архетипически восходящие к четырем основным поэтическим тропам: метафоре, метонимии, синекдохе и иронии. Именно этот уровень осмысления исторического познания характеризуется как метаистория, то есть уровень, на котором закладывается мировоззренческий фундамент реализации различных

стратегий познания прошлого. Выделенные тропы позволяют охарактеризовать операции, при помощи которых содержание опыта, представляющее сложность для ясной репрезентации в прозаическом дискурсе, может быть префигуративно схвачено и подготовлено для осознанного постижения [11, р. 34]. Фактически эти художественные приемы призваны иллюстрировать модели, в соответствии с которыми неизвестное может быть сделано известным: метафора позволяет представить феномен, выделяя его сходство или различие с другими явлениями; метонимия характеризует феномен, перенося имя части на целостность; синекдоха формирует понимание явления указанием на часть, которая символизирует свойство, предположительно характерное для целостности; ирония характеризует объект путем отрицания на фигуральном уровне того, что утверждается буквально. Четыре тропы представляют четыре подхода или способа восприятия объекта исторического познания: репрезентативный (метафора представляет предмет), редуционистский (метонимия редуцирует предмет к какой-либо фундаментальной модели), интегративный (синекдоха объединяет некоторые свойства предмета) и негативный (через иронию осуществляется отрицание предмета) [4, с. 515].

Х. Уайт подчеркивает, что понимание как процесс перевода незнакомого в знакомое (перенесение предмета из домена вещей «экзотических», неохваченных классифицирующей типологической моделью, в домен предметов, тем или иным способом вовлеченных в опыт, адекватно определенных или ассоциативно понятных) является тропологическим по своей природе, поскольку перекодировать неизвестное в знаках знакомой системы выражения можно только фигуративно [15, р. 5]. Посредством префигурации, по выражению Ф. Анкерсмита, хаос прошлого трансформируется в реальность, которая может быть разграничена, исследована и обсуждена [5, р. 42]. В этом отношении дискурс, формируемый на основе той или иной модели префигурации, оказывается способом функционирования сознания, которым некоторая неизвестная часть опыта ассимилируется с тем его пространством, которое уже понято [2, с. 19]. Более того, четырехтропная модель рассматривается как схема функционирования человеческого сознания [15, р. 13]. Вместе с тем применение этой модели к развитию исторического мышления в XVIII–XIX вв. приводит американского теоретика к формулированию идеи поэтапного становления, в ходе которого один доминирующий тип префигурации сменяется другим. Развитие глубинной структуры исторического воображения представляется в виде движения по кругу, в котором каждый этап становится фазой в эволюции от метафорического толкования исторического мира, через метонимическое и синекдохическое – к ироническому постижению неустранимого релятивизма всего знания [11, р. 38]. Таким образом, выстраивается структуралистски ориентированная единая схема классификации основополагающих моделей исторического познания, в рамках которой каждый последующий этап осмысливается в качестве реакции на предшествующий. Однако Х. Уайт не рассматривает это

движение как прогрессирующее развитие, напротив, творчество каждого крупного мыслителя полагается внутренне согласованной закрытой системой мысли, несопоставимой с другими, рождающимися в споре с ней [11, р. 432].

Особое место в системе тропологической префигурации исторического воображения занимает ирония. Поскольку этот троп предполагает исключительно осознанное применение, выявляя проблематичную природу самого языка и выражая осознание возможности недопонимания или неправильного использования фигур речи, он характеризуется как метатропологический [11, р. 37]. Ирония самокритична, занимая реалистическую позицию, с которой может быть предложена буквальная, нефигуративная репрезентация пространства опыта. В этом отношении иронический подход к восприятию истории позволяет осознанно выстроить исследование («Метаистория» преднамеренно написана в ироничном ключе), сохраняя скептицизм в отношении получаемой из свидетельств информации и результатов ее анализа и релятивизм в отношении оценок случившегося. Критический потенциал иронии делает ее трансидеологичной, ее можно использовать для защиты положений любой идеологической доктрины [11, р. 38]. Ироничный протокол повествования подчеркивает особенности исторического познания с точки зрения его принципиальной неполноты и вероятностного характера.

Тип префигурации определяет общий настрой, восприятие истории как исследовательского поля и прошлого как особого предмета исследования, к которому возможен только опосредованный доступ. В ходе работы над историческим сочинением используются также и другие средства выражения и речевые приемы, формирующие стиль повествования. Х. Уайт на основе анализа ключевых памятников европейской историографии XIX в. выделяет три модуса выстраивания объяснительной конструкции нарратива, в рамках каждого из которых выделяется четыре стратегии объяснения. Эстетический модус предполагает объяснение посредством построения сюжета, то есть преобразования известных из сведений исторических источников событий в целостное повествование с общей линией развития. Четыре стратегии преобразования процессов прошлой действительности в сюжет исторического нарратива соответствуют четырем определенным литературным жанрам, причем американский философ подчеркивает, что каждый отдельный историк, как правило, придерживается в своих работах какой-либо одной стратегии (Мишле – романа, Ранке – комедии, Токвиль – трагедии, Буркхардт – сатиры [11, р. 7–8]). Эпистемологический модус объяснения требует соблюдения одной из четырех стратегий формального доказательства: формистской, органицистской, механицистской или контекстуалистской [11, р. 13]. Формизм объясняет через индивидуализацию, описывая уникальные свойства исследуемого явления. В дальнейшем такой подход к объяснению Х. Уайт называет идеографическим [15, р. 70], что в

большей степени отражает сущность такого способа объяснения. Органицизм представляет отдельные феномены компонентами единого синтетического процесса, консолидируя из совокупности разрозненных событий некоторое единство. Механицистское объяснение предполагает выделение законов исторического развития, в виду чего события прошлого редуцируются к сверхисторической причинности. Контекстуализм требует помещения явления, которое необходимо объяснить, в исторический контекст, произошедшие события объясняются посредством раскрытия их специфических связей с другими событиями в окружающем их историческом поле. Моральный модус объяснения предполагает выбор одной из идеологических позиций (именно в качестве точки зрения, а не формальной политической принадлежности), с которой историк рассматривает историческое развитие и события прошлого: анархизм, консерватизм, радикализм и либерализм [11, р. 22].

Избранные историком стратегии построения сюжета, формальной аргументации и идеологического подтекста, создавая во взаимодействии «эффект убедительности», формируют интегральное единство повествования на метаисторическом уровне. Схематично они могут быть объединены в четыре подхода к выстраиванию нарратива (табл. 1).

Таблица 1. Тропологическая модель исторического познания Х. Уайта

Тип префигурации	Стратегия получения «эффекта объяснения»		
	Формальное доказательство	Построение сюжета	Идеологический подтекст
Метафора	Идеография	Роман	Анархизм
Метонимия	Механицизм	Трагедия	Радикализм
Синекдоха	Органицизм	Комедия	Консерватизм
Ирония	Контекстуализм	Сатира	Либерализм

Сочетание стратегий выражения различных объяснительных модусов и типов префигурации представляется жестко детерминированным. Так, в произведениях Мишле Х. Уайт выделяет идеографическую форму объяснения в сочетании со свойственным роману способом построения сюжета, у Токвиля механицистский подход к объяснению дополняется трагической концепцией исторического процесса и т. д. [15, р. 66]. Это аргументируется тем, что каждый исследователь выбирает наиболее близкий ему способ объяснения на уровне сюжета, формального доказательства и идеологических предпочтений в ответ на императивы основополагающего тропа, которым формируется языковой протокол, используемый для префигурации исторического прошлого [11, р. 427]. Префигурация же при таком подходе оказывается трансцендентальным условием самой возможности исторического письма [5, р. 38]. Способ префигурации формирует направленность, позицию, в логике которой оказывается приемлема та или иная стратегия объяснения. При этом,

поскольку исследование американского теоретика основывается на сочинениях классиков исторической мысли XIX в., структурный фундамент исторического воображения, представленный в «Метаистории», характеризует историографию именно этого периода времени. Применительно к другим этапам развития исторической мысли возможны иные стратегии выстраивания правдоподобного повествования.

Взаимосвязанные фигуративные структуры выражения закладывают глубинную сеть, на основе которой выстраивается историческое повествование. Именно риторические приемы, средства выражения определяют индивидуальный характер и вместе с тем убедительность нарратива о прошлом. Даже если два разных исследования опираются на один набор источников и представляют одни и те же факты, выражаемые ими интерпретации прошлого могут радикально отличаться, вплоть до противоречия друг другу [15, р. 59]. В каждом повествовании обнаруживает себя глубинный фигуративный уровень, на котором проявляется восприятие событий прошлого и которым формируется направленность оценок и правдоподобие изложения. В этом отношении тропологический анализ исторического нарратива вновь приводит американского философа к выводам, схожим с результатами исследования по аналитической философии истории А. Данто. Точно так же подчеркивается, что в историческом дискурсе одновременно представляются факты и их интерпретации [10, р. 54–55], и даже тезис А. Данто о том, что возможно неограниченное количество нарративных предложений, истинно описывающих одно и то же событие, Х. Уайт некоторым образом переформулирует в утверждение, согласно которому количество способов рассказать историю одного ряда событий лимитировано количеством способов построения сюжета, считающихся историографической традицией приемлемыми [15, р. 60–61]. Структурный анализ фигуративных средств исторического языка приводит к утверждению вариативности и плюральности истории как познавательной дисциплины, многообразия возможных способов исследования прошлого.

Метаисторический уровень исторического воображения формирует теоретический базис, определяющий стилистическую парадигму каждого конкретного исследования. На этом уровне не проявляется сущностное различие между историческими исследованиями и исследованиями по философии истории. И профессиональные историки, и философы истории XIX в., как подчеркивает Х. Уайт, стремятся к объяснению событий посредством раскрытия смысла через их характеристику инструментами фигуративного языка [10, р. 63]. Различие же заключается в том, что в случае профессиональной истории этот метаисторический уровень остается скрытым в глубинной структуре, его средства используются для решения исследовательских задач, в то время как для философии истории прямой задачей оказывается исследование теоретического уровня исторического познания, что предполагает формализацию средств выражения исторического дискурса. Философия истории, таким образом, призвана осмыслять метаисторический

фундамент исторического познания, а в каждой исторической работе, в свою очередь, на глубинном уровне содержатся философские предпосылки, закладывающие направленность исследования. Варианты модусов историографии не отличаются от форм философии истории, и в своей основе эти формы восходят к распространенным в определенную эпоху литературным стилям [15, р. 124]. Такого рода рассуждения приводят к выводу о том, что стилистические стратегии, в рамках которых могут реализовываться исторические исследования, являются, по сути, формализациями поэтических озарений, санкционирующими конкретные подходы к объяснению прошлого [11, р. xi-xii]. В этом аспекте предложенное Х. Уайтом видение специфики исторического познания в определенном смысле предвосхищает развитие теории возвышенного исторического опыта Ф. Анкерсмита, согласно которой научное исследование прошлого опирается на индивидуальный опыт непосредственного взаимодействия с прошлым из ситуации настоящего. Направленность познания прошлого, равно как и применяемые эпистемологические стратегии и методики, закладываются на уровне индивидуального восприятия, формирующего тот образ прошлой реальности, который префигурирует историк, приступая к работе с эмпирическим материалом.

Поскольку же конкретная форма исторического повествования определяется на уровне используемых фигуративных средств, невозможно сформулировать теоретически обоснованный подход для выбора наиболее удачной методологической стратегии исследования прошлого. Если две разные исторические работы не содержат искажений фактов, ошибок или неточного изложения событий, на эпистемологическом уровне нельзя решить, какая из них более предпочтительна с точки зрения репрезентации прошлой реальности. Убедительность исторического сочинения закладывается не эпистемологическим инструментарием, не представленными фактами, но языковыми средствами выражения, формирующими стиль повествования. В этом отношении ключевыми факторами, определяющими взгляд на прошлое, оказываются этические и эстетические предпочтения, что в очередной раз подтверждает невозможность единого и единственно верного взгляда на прошлое. Выбранная историком тропологическая структура, в соответствии с которой выстраивается нарратив, обеспечивает его убедительность [10, р. 61–62], подготавливая объяснительную модель. Используемые историком фигуративные приемы формируют эффект объяснения (по аналогии с эффектом реальности Р. Барта), как бы предопределяя способ понимания неизвестного материала. Стилистика повествования выполняет важную функцию подготовки читателя к восприятию фактов и принятию предлагаемого обоснования их достоверности [10, р. 58]. В этом пункте проявляется диалогический характер исторического познания. Убедительность повествования зависит не только от применяемых историком методик, но и от предрасположенности читателя к рассмотрению изложения как правдо-

подобного. Языковой протокол позволяет установить связь между историком и его читателем, именно понятность и близость сюжетной линии, подхода к аргументации и идеологических воззрений закладывают основания для оценки исторического исследования и принятия его выводов [10, р. 65]. Докритическое предпочтение определенных модусов представления исторического повествования определяет неизбежность множественности интерпретаций событий прошлого. Объяснение рассматриваемых событий, выстроенное в логике определенной тропологической стратегии, обречено на неудачу среди аудитории, предрасположенной к другой стратегии: историк, который, как К. Маркс, привержен механицистской методике аргументации, не будет иметь влияния на аудиторию, предпочитающую префигурировать историческое поле в модусе иронии, синекдохи или метафоры [11, р. 430].

Убедительность исторического сочинения зависит не только от профессиональности анализа, качества проведенной работы, но и от восприимчивости читателя к метаисторической парадигме, в которой оно реализовано. Восприятие изложенного в исследовании объяснения случившегося в прошлом как правдоподобного или неправдоподобного закладывается на уровне априорной симпатии к предлагаемой стратегии обоснования истинности отстаиваемых утверждений, что определяется личностными особенностями и, в итоге, восходит к индивидуальному жизненному опыту, приобретенному человеком, его характеру, культурным особенностям и т. д. В целом, можно говорить о том, что успешность тому или иному историческому нарративу придают наряду с его научными достоинствами также и выходящие за пределы собственно исторической дисциплины факторы. В этом отношении все возможные стили исторического повествования, действительно, оказываются в равной степени относительными [10, р. 66], а история может быть представлена в любом виде, в котором ее готовы принимать [12, с. 433–434]. И если многообразие одинаково приемлемых и в равной мере достоверных картин прошлого в рамках аналитической философии истории (как и в ряде иных влиятельных течений теории исторического познания XX в.) еще до работ Х. Уайта обосновывалось влиянием личности историка и его индивидуального понимания сущности истории на характер нарративного изложения произошедших событий, то Х. Уайт подчеркивает, помимо этих особенностей постижения прошлого, значимость читателя как субъекта, который вместе с историком участвует в воспроизведении прошлой реальности и в формировании смысла случившегося. Художественная сторона исторической формы познания, возможно, наиболее ярко проявляется именно в том воздействии, которое она оказывает на публику, предрасположенную к ее восприятию. Это положение представленной теории вызывает аналогии с развиваемой Х.-Г. Гадамером в контексте философской герменевтики концепцией истории действия, представляющей историческое познание в качестве опыта, приобретаемого и совершенствуемого в практике непосредственной работы по изучению и осмыслению прошлого.

Исторический опыт в таком ракурсе предстает не только опытом профессионального изучения прошлого, но и опытом восприятия прошлого неподготовленным читателем, на которого воздействует не столько эпистемологически выверенные суждения, для проверки истинности которых у него, зачастую, отсутствуют возможности, сколько стилистика повествования, языковые средства выражения и создаваемый ими «эффект объяснения». Такого рода направленность философской доктрины Х. Уайта возвращает к вопросу о практической стороне работы исторического мышления, к анализу чего исследователь обращается на позднем этапе своего творчества.

Историческое прошлое и практическое прошлое

В своем анализе действия исторического знания Х. Уайт опирается на предложенное М. Оукшоттом различие исторического и практического прошлого. Английский философ понимает под практическим прошлым ту его часть, которая затрагивает настоящее, оказывает на него влияние. Это прошлое может рассматриваться как источник знаний, полезных в современном мире, т. е. прошлое, которое продолжает жить в настоящем, представляя образцы политической мудрости, источники религиозных верований, способы выражения философских систем, сырой материал для литературного творчества и др. [8, р. 105]. Практическое прошлое откликается на современные проблемы, к нему обращаются в поиске ответов на текущие вопросы современной жизни. В противоположность чему историческое прошлое оказывается в полной мере отделенным от современности, являясь той частью прошедшего, которая уже не имеет прочных связей с настоящим и не проявляется в нем. Историческое прошлое – это мертвое прошлое, которое интересует только профессиональных историков и которое изучается ради него самого исключительно из научного интереса [8, р. 106]. М. Оукшотт усматривает в этом обстоятельстве позитивную сторону исторического прошлого. Историк изучает прошлое как нечто полностью непохожее на современность, противоположное ему, что позволяет, в числе прочего, сравнить современность с чем-то, чем оно уже не является. Более того, историческое прошлое не представляет насущного интереса, оно может быть рассмотрено в полной мере непредвзято, исходя исключительно из научных оснований исследования и не беря во внимание современную конъюнктуру. Практическое прошлое же, в свою очередь, вызывает интерес именно как то, что может помочь в решении проблем современности, т. е. то, что можно использовать в политических, общественных и другого рода дискуссиях. В этом смысле предложенный концепт практического прошлого подчеркивает то обстоятельство, что прошлое очень часто воспринимается неисторически, зачастую интерес к прошлому определяется его отношением к практическим задачам современности [6, р. 376]. И, строго говоря, научный способ рассмотрения прошлого, его изучение профессионалами и предлагаемые ими нарративы о прошлом, составляют лишь малую часть того, чем история является для общества и человека. Элементы

знания прошлого, достоверные или в искаженном виде, составляют органичную часть массовой культуры, общественной и частной повседневной жизни, часто к прошлому обращаются, задаваясь вопросом о том, как следует поступить и какие решения принять, знания о прошлом, в конечном итоге, вовлечены в процесс формирования мировоззренческих основ личности.

С точки зрения Х. Уайта различие исторического и практического прошлого важно именно в контексте выделения различных подходов к восприятию прошлого и истории. Практическое прошлое – это версия прошлого, которую каждый человек несет в себе и обнаруживает вокруг себя, это его понимание истории и прошлого, определяющее принимаемые решения, отношение к миру и другим людям, в то время как историческое прошлое конструируется историками и живет только в научных трудах, оно не может ничему научить или быть полезным в настоящем [13, р. 16–17]. Цель исторической науки заключается в формировании истинных знаний о прошлом посредством применяемых методов познания вне зависимости от того, как полученные знания могут отразиться на современности. Такому взгляду на прошлое противопоставляется утилитарный подход, согласно которому знание о прошлом оказывается не просто знанием, представляющим ценность само по себе, но частью мировоззрения, интегральной составляющей опыта человека, проявляющей себя в практической плоскости повседневной жизни. Практическое прошлое предстает прошлым, каким его воспринимают обычные люди, не связанные с профессиональным исследованием истории, политики, философы истории, которые стремятся извлечь из него не только теоретическое, но и практическое знание [14, р. 75–76]. Такое восприятие прошлого ассоциируется с древнейшим представлением об истории как учительнице жизни, предлагающей ответы на морально-этические, политические, правовые и другие вопросы современной жизни. В этом отношении собственно историческое восприятие прошлого сложилось сравнительно недавно. Научный подход к прошлому, основу которого заложили представители философии Просвещения, в немалой степени формировался усилиями тех классиков XIX в., тропологический анализ сочинений которых, осуществленный Х. Уайтом в «Метаистории», приводит к выводу о фигуративном формировании эффекта объяснения. Это принципиально важный фактор для развиваемой американским философом доктрины, поскольку, в противоположность М. Оукшотту, понятие исторического прошлого используется им для критики дисциплинарной истории [6, р. 380]. Историческое прошлое характеризуется как «фантом» прошлого, формируемый профессиональными историками в целях борьбы против утилитарного подхода к истории [13, р. 18]. В концепте практического прошлого выражается понимание того, что история как знание о прошлом является, в числе прочего, частью жизненного опыта человека. Дисциплинарная же история, в изложении Х. Уайта, стремится элиминировать практический ас-

пект исторических знаний, представляя их в качестве строго научного, методологически обоснованного знания, доступ к которому могут открыть только профессиональные исследователи, а следовательно, картины прошлого, предлагаемые ими, так или иначе дискредитируют обыденные представления.

Американский философ выражает точку зрения, согласно которой академическая история оказывается не в полной мере адекватным способом постижения прошлого. Он пишет о том, что формируемые историками обобщения, терминология, устанавливаемые между введенными ими понятиями связи не являются сущностями, принадлежащими прошлой реальности, но, по сути своей, предстают симулякрами, которые выражают то представление о прошлом, которое хотел бы распространить исследователь [14, р. 98]. Тем самым историческое прошлое выполняет идеологические функции. В духе марксистской критики Х. Уайт подчеркивает, что, являясь продуктом европейской модернистской мысли, научная история может служить интересам государства [14, р. 7–8], в том числе в качестве инструмента идеологического притеснения отдельных групп и народов [14, р. 41], поскольку, составляя часть самоописания западного общества, такой подход к постижению прошлого не может быть адаптирован другими общностями без утраты собственных традиций осмысления взаимосвязи человека с прошлым [14, р. 43]. Принятие западного варианта организации исторического познания как бы предполагает рассмотрение прошлого в горизонте видения, заложенном западными идеологическими парадигмами. Представленная таким образом историческая дисциплина, также как и концепт практического прошлого М. Оукшотта, наделяется утилитарным значением. Заявляемая научность академической истории, отказ рассматривать описываемые процессы в качестве способов воздействия на окружающую действительность в этом отношении предстают стилистической стратегией, риторическим приемом, способствующим достижению практических целей идеологического воздействия. Кажущийся фундаментальным конфликт между историческим прошлым и практическим прошлым [14, р. xiv] оборачивается скорее формальным выделением двух направлений действия исторического мышления, чем соответствующим действительности описанием несопоставимых друг с другом сущностно различных подходов к восприятию прошлого [14, р. 15]. Различение возможных вариантов постижения прошлого проявляется на уровне выражения, используемых языковых средств и стилистики построения сюжета, т. е. закладывается на метаисторическом уровне исторического мышления.

Предложенная Х. Уайтом доктрина рассмотрения исторического познания уравнивает академическую науку, нацеленную на исследование прошлого, с иными способами постижения прошлого, в том числе подразумевающими утилитарное применение исторических знаний. Этот вывод – прямое следствие тропологического анализа, выявляющего в качестве одного

из модусов исторического объяснения идеологическую направленность повествования. Вместе с тем практическая сторона исторического познания не ограничивается идеологическим подтекстом. Метаисторический подход представляет историю в качестве органичного сочетания эпистемологических ресурсов анализа прошлого с литературными средствами построения нарратива. Исторические труды, что особенно ярко проявляется на примере сочинений выдающихся историков XIX в., строятся в большей степени на композиционных принципах художественного творчества, чем на основах строгой научности, что, однако, не означает замену фактической точности вымышленными подробностями произошедших событий, но подразумевает размывание грани между историческим и литературным письмом [14, р. 68–69]. Воздействие исторического повествования на читателя, формирование «эффекта объяснения» и убеждение в достоверности предложенной картины прошлого осуществляется при помощи языковых средств выражения и закладываемого ими стиля повествования. Понимание прошлого и характер отношения к нему определяется не только профессионализмом и индивидуальными особенностями историка, но и предрасположенностью читателя, его готовностью разделить то видение, на основе которого строится нарратив о прошлом. Что возвращает к коллингвудианскому рассмотрению исторического мышления в качестве интегральной части опыта [6, р. 386–387] или гадамеровской концепции действенно-исторического сознания, во многом с ним схожей. Историческое познание обладает характером опыта, который формируется в процессе изучения сохранившихся свидетельств и который развивается в процессе приобретения новых знаний, взгляд на прошлое меняется с течением времени, меняя и отношение к прошедшим событиям. Но в этом тезисе проявляется только одна сторона исторического опыта, характеризующая работу исследователя. Вместе с тем история как пространство взаимодействия с прошлым реализуется не только в исследовании, но и в его прочтении. Понимание прошлого во многом осуществляется как диалог между автором и читателем. И если для историка первоочередным, зачастую, является приверженность научным принципам и идеалам достижения достоверного знания, то читатель скорее воспринимает исторический нарратив сродни художественному произведению, с которым оно разделяет повествовательную форму.

Обращаясь к проблеме соотношения научного (теоретического) и художественного (практического) модусов познания прошлого, Х. Уайт выстраивает теорию осмысления фундаментальных структур исторического воображения, в рамках которой предпринимается попытка тропологического анализа языка исторического нарратива. Исследовательский интерес сосредотачивается на поэтических средствах выражения, при помощи которых историк формирует убедительный рассказ о произошедших событиях, что в итоге приводит к моделированию структурно упорядоченной классификации возможных стратегий исторического повествования. Такая модель

жестко увязывает тип префигурации образа прошлой реальности с конкретными подходами к объяснению событий путем построения сюжета, формального обоснования и идеологического подтекста. Сочетанием выразительных средств формируется стиль повествования, который и должен обеспечить убедительность нарратива. Такой ракурс рассмотрения не предполагает анализа методики исторического познания, приемов и средств, при помощи которых историк добывает знания о прошлом. Работы Х. Уайта в большей степени нацелены не на исследование собственно методологии познания прошлого, но именно на анализ глубинного уровня исторического мышления, на котором формируются мировоззренческие и теоретические основания истории как способа постижения своего предмета. Реализованный подход можно назвать метафилософией истории или философией философии истории [7, р. 15–33]. Осуществленный в его рамках анализ теоретических основ и априорных предпосылок исторического мышления выявляет разнонаправленный характер истории как формы познания, объединяющей в себе различные модели взаимодействия с прошлым. История в своей основе обладает характером опытного познания, сочетающего теоретические и практические варианты выражения. Исторический опыт конституируется во множестве способов взаимодействия с прошлым из ситуации настоящего.

Список литературы

1. Губман Б.Л. Аналитическая и спекулятивная философия истории: от конфронтации к идее сосуществования // Вестник ТвГУ. Серия «Философия», 2019. № 1. С. 190–207.
2. Кукарцева М.А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века // Диалог со временем. Вып. 24. М.: Едиториал УРСС, 2008. С. 5–34.
3. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
4. Трубина Е.Г. «Метаистория» и историки // Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург.: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 505–518.
5. Ankersmit F. White's «New Neo-Kantianism». Aesthetics, Ethics, and Politics // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / ed. by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. P. 34–53.
6. Ahlskog J. Michael Oakshott and Hayden White on the practical and historical past // Rethinking History. The Journal of Theory and Practice, 2016. Vol. 20. P. 375–394.
7. Carr D. On Metaphilosophy of History // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / ed. by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press, 2009. P. 15–33.
8. Oakshott M. Experience and its Modes. Cambridge: Cambridge University Press, 1933. 364 p.
9. White H. Burden of History // History and Theory. 1966. Vol. 5, № 2. P. 111–134.

10. White H. Historicism, History, and the Figurative Imagination // History and Theory. 1975. Vol. 14, № 4. Beiheft 14: Essays on Historicism. P. 48–67.
11. White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 1973. 462 p.
12. White H. The Question of Narrative in Contemporary Historical Theory // History and Theory. 1984. Vol. 23, № 1. P. 1–33.
13. White H. The Practical Past // *Historein*. History between Reflexivity and Critique. 2010. Vol. 10. P. 10–19.
14. White H. The Practical Past. Evanston: Northwestern University Press, 2014. 118 p.
15. White H. Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism. London, Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. 283 p.

HAYDEN WHITE'S TROPOLOGY AS AN APPROACH TO THE ANALYSIS OF HISTORICAL NARRATIVE AND WAYS OF COMPREHENSION OF THE PAST

A.A. Avanesyan

Tver State University, Tver

The paper is aimed at the study H. White's analytical theory of historical knowledge. It reveals key features of tropology as a method of analyzing the historical narrative which allow characterizing the influence of the stylistic structure of the narrative on the formation of a plausible and convincing description of the past. The article emphasizes the special importance that American philosopher gives to the problem of the relationship between the author of the historical research and his public. Special attention focuses on H. White's perception of the practical side of historical knowledge in accordance with which the specifics of historical experience are revealed.

Keywords: *philosophy of history, analytic philosophy, historical experience, tropology, narrative, practical past.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артём Александрович – кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: artemavanesian@yahoo.com

Author information:

AVANESYAN Artem Alexandrovich – PhD, research fellow of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: artemavanesian@yahoo.com